

Эпидемия / рассказ

Category: Некаýалар, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Эпидемия / рассказ ЭПИДЕМИЯ

Илья виновато смотрел на покойника. Вот он, прикрытый до подбородка застиранной простынёй, неестественно вытянувшийся, отрешённый от всего мира, не страдает, не корчится от боли, а неподвижно лежит на больничной койке. Сизо-белые волосы аккуратно причёсаны и разделены ровным пробором. Бледно-жёлтое лицо, изломы кожи на лбу, прозрачные зрачки, полуоткрытый рот и застывший на губах немой вопрос: «Что же Вы не уберегли меня?»

Приподняв простыню, Илья оголил впалый живот покойного, пересечённый старым швом, вдоль которого смиренно улеглись натруженные руки. В полуоткрытое окно душной больничной палаты сочился слабый свет. Остальные окна были завешены кусками ткани, отдалённо напоминающими шторы, отчего в полутьме присутствие смерти казалось реальным: вот она здесь, рядом, тянет к тебе свою костлявую руку. Эти ощущения, как показалось Илье, усиливал терпкий запах миндаля.

Нервно теребя аккуратную острую бородку, нетвёрдой походкой он вышел из палаты и направился в кабинет. Дежурство подошло к концу. Вздохнув, Илья неторопливо снял белый халат, взял докторский чемоданчик с инструментами и лекарственными препаратами, необходимыми при оказании экстренной медицинской помощи, и на минуту задержался у выхода. Тотчас перед глазами возникли губы покойного с замершим немым вопросом: «Что же Вы не уберегли меня?»

Смерть каждого больного вызывала у Ильи смятение. Чувство вины не покидало его: «Я – врач, а человека спасти не мог...» Постепенно это чувство выдавливалось из сознания другими доводами: «Я – лишь врач, а не Господь Бог. Конечно, медицина в настоящее время шагнула вперед: при ампутациях раны теперь не прижигают горячей смолой...» Илья недовольно морщился, подёргивал плечами и, снова вздохнув, размышлял: «Сейчас не

дырявят голову, чтобы вылечить мигрень. Но мы до сих пор мало знаем о болезнях, часто наугад ставим диагнозы и назначаем лечение».

Поступая в медицинскую академию, Илья не представлял, где и как ему придётся работать. Волею судьбы он попал в захолустный городишко, мало чем отличающийся от других уездных центров России. Узнанск представлял собой унылое зрелище изрытого оврагами пространства с кривыми улицами и убогими деревянными избами вперемешку со смрадными кабаками и грязными трактирами. Только центр с мощеным булыжником базарной площадью, где теснились торговые ряды, да зелёного цвета казённый дом с присутственными местами напоминали некую условную цивилизацию конца девятнадцатого века.

Одним словом, провинция...

В детстве Илья хотел быть адвокатом. Спасать невинных благородно!! Об этом он часто думал, гуляя с няней по улицам Санкт-Петербурга. Отец был врачом, но не настаивал, чтобы сын пошёл по его стопам, видимо, на это имелись причины.

Выбор Ильи определил случай.

Была зима. В сопровождении няни он возвращался из гимназии, вслушиваясь в колокольный звон, плывущий со стороны Рогожского кладбища. В узковатой форменной шинели мальчик чувствовал себя неуютно и постоянно подёргивал плечами. «Ваша светлость, посмотрите вверх. Там чудо чудное!» – услышал он восторженный голос няни.

И точно, высоко между облаками величественно проплывал настоящий дирижабль. Увидев такое диво, мальчик в изумлении открыл рот. Но ужасный нечеловеческий крик отвлёк его и заставил вздрогнуть. В нескольких шагах от себя Илья увидел пролетку без верха. Возле неё на мостовой распластался мужчина. Похоже, человек споткнулся, упал и был раздавлен колёсами пролётки. Кровь из головы несчастной жертвы медленно растекалась по булыжнику. Сбежались люди. Вздохи, причитания, плач... Илье стало плохо: закружилась голова, началась рвота. Только минут через двадцать мальчик смог прийти в себя, и всё так же под колокольный звон был продолжен их путь. Но перед глазами Ильи продолжало стоять видение: мертвец и лужа крови.

В гостиной матушка что-то увлечённо рассказывала подруге, но, увидев сына, мгновенно смолкла, заволновалась:

– Сыночек, да на тебе лица нет! Всё ли у тебя в гимназии хорошо?

– Спасибо, маменька, всё хорошо, – едва слышно ответил Илья.

Няня, поглядывая на него, что-то испуганно шептала матери. Волнение маменьки сменила настоящая тревога. Она обняла сына. Мальчик уткнулся в её теплую грудь и тихо заплакал. Вечером Илья пришёл в кабинет к отцу, что делал крайне редко. Отец всегда вызывал у Ильи трепет и почтение, а запахи карболки, йода и других неизвестных лекарств создавали вокруг него некий ореол таинственности. «Папа, несчастного прохожего можно было спасти, но врача рядом не оказалось...» – всё ещё переживал Илья. В этот вечер он и выбрал себе профессию.

Так, вспоминая прошлое, Илья возвращался с работы. Горожане узнавали доктора и уважительно кланялись. А хромая богомолка с посошком отвесила такой низкий поклон, что едва не упала.

Ходить пешком доктор любил. Летом он шёл к дому в обход, через березняк, встречавший его шёпотом листы и пением птиц. Сейчас зима, и путь прямой. Через десять минут Илью пропустили входные дубовые ворота деревянного дома с мезонином. К нему подбежала безобразная на вид, хрипло лающая моська, которую он ласково потрепал за ухо. Быстро, словно боясь встречи с хозяевами, Илья прошёл через прихожую. Не доходя до гостиной, повернул направо и по винтовой лестнице поднялся в комнату. Обои бронзового цвета, ореховая мебель, обитая коричневым трипом, создавали впечатление простой и вместе с тем торжественной обстановки. Это был вкус Ильи и дань его педантизму.

Хозяева, у которых снимал комнату Илья, были людьми наискуднейшими. Глава семейства работал начальником почтовой конторы. Свою должность он получил по протекции и считал солидной. Вечерами хозяин неизменно читал газету и с ней засыпал. Его жена управляла домашним хозяйством. Относились хозяева к нанимателю с уважением и даже с некоторой долей подобострастия. Но отношения не сложились: хватило первого общения и совместного обеда с созерцанием чавканья,

похрюкивания и усердного выскрёбывания остатков пищи со дна тарелок.

Высшее уездное общество, состоящее из чиновников, купцов и мещан, тоже не отличалось культурой и образованностью. Часто господа собирались повеселиться в ветшающем доме городничего. Однако, надо отдать должное хозяину, зал в нём блистал великолепием: отделанные золотом стены, сияющий дубовый паркет, ослепляющие зеркала, глядя в которые можно было наблюдать за гостями, и венчающая потолок огромная хрустальная люстра. В отношениях людей Илья заметил сплошное лицемерие. Одни, узнав, что гость прибыл из столицы, посматривали на него свысока и перешёптывались за спиной: мол, экая птица залетела в наши края, видать, сослани за какие-нибудь проделки. Другие, наоборот, лебезили и набивались в друзья. Всё здесь, как и несколько сортов водки и наливок, зернистая икра, осетрина, рябчики, покоилось на людской скуке и пустоте. Никому ни до кого здесь не было дела. Илья пришёл сюда насторожённым, а ушел огорчённым, нашёптывая под нос: «Как пир на празднике чужом». Правда, Лермонтов придавал стихам другой смысл. Всё равно. Не моё».

Как ему казалось, совершенно иным было избранное общество в Санкт-Петербурге. В гости к родителям приходили не только врачи, но и поэты, музыканты, адвокаты, философы. Здесь музицировали, читали стихи, спорили. Оказавшись по случаю в родительском доме снова, Илья получил возможность сравнить уездное и столичное общество. На время он стал полноправным участником вечеринок, где нередко спорил с немолодым, уважаемым всеми господином, и ловил при этом одобрительные взгляды отца. В один из вечеров он получил влюбленный взгляд и полный восторг от обычно холодной Нади Маловой. «Илья, вы с таким жаром говорите о больных, о своей работе! Вы живёте больницей! Вы герой, благородный спасатель!» – взволнованно воскликнула она, одарив прелестной улыбкой.

Но не всем жить в столицах, кому-то надо жить, выполняя свой долг, и в уездном городе. Вернувшись в Узнанск, Илья потянулся к простым людям. Он искал в их среде спасение от богатых бездельников, утомлённых пустым времяпровождением и

равнодушием. Бедняки много работали, отдыхали мало, были просты и незлобивы, но их мир ограничивался бытом и однообразными, до примитивизма, разговорами и пересудами. Женщина, закончив работу, отхлебнув из ковша квасу, шла за ворота грызть орехи и ругаться с соседками, а её муж отправлялся в трактир или на завалинку к соседу пить самогон. Вплотную к ним Илья не подходил: не выносил запаха пота, кислой капусты и перегара, неизменно их сопровождающих. Простые люди тоже подозрительно косились на врача. Их настораживал запах одеколона, которым Илья пользовался с утра, пугали умные речи с незнакомыми иностранными словами. Они не видели пользы от медицины и от него, как доктора, продолжая лечиться традиционными народными средствами: примочками, кореньями, заклинаниями. В первую очередь, они бежали к какой-нибудь старухе-знахарке за снадобьями, и, если не помогало, шли к врачу, но с неохотой и недоверием. Болели часто и умирали быстро. Умирали, не обеззараживая раны, от простых болячек, даже от порезов. Особенно Илью удручала смерть беременных, работающих до самых родов. Бывало, отработав целый день на пашне, женщина бросала в корыте замоченное грязное белье, вынимала ухватом из печи огромный чугунок щей и уходила рожать в поле, подальше от людских глаз. Отсюда и смертельные исходы, и рождение неполноценных детей, и выкидыши, объясняемые в простонародье расплатой за грехи. Илья выступал в различных комиссиях с предложением запретить тяжёлую работу беременным женщинам, но встречал неизменное удивление и непонимание. Контраст бесил: с одной стороны – голодная беднота, измученная непосильной работой, с другой – страдающие от обжорства господа. Пир во время чумы, не иначе.

Между тем, не чума, а холера без спроса вошла в уездный город. Любая эпидемия, как и война, застаёт людей врасплох и пробуждает самые низменные инстинкты. Так получилось и в этот раз: холеру встретили испуганные, растерянные люди.

Как Председатель уездной санитарной комиссии, Илья метался по городу с докторским чемоданчиком в руках, ругался с городничим из-за отсутствия необходимых лекарств и перевязочного

материала, но везде встречал безразличие и непонимание. Особенно его взбесил ответ городничего на предложение приостановить торговлю, закрыть трактиры и присутственные места в целях изоляции людей. Услышав это, городничий вскочил со стула и рявкнул: «Как это народ не будет работать? Этак все обленятся и господами станут, потом заставь их снова работать! Пусть лучше умирают!» «Если глава города не понимает смысла элементарных санитарных ограничений, о чём можно говорить с другими?» – сокрушался Илья.

Вопреки всевозможным препонам, он развернул противоэпидемическую работу: афиши разъяснительного характера пестрели на всех заборах и избах, а официальным объявлениям народ придавал значение. Илья смог провести дезинфекцию в общественных местах, добиться запрещения купаться в водоёмах. Но одному врачу остановить эпидемию не под силу. И пошла холера гулять по городу, переходя из дома в дом, увеличивая число заколоченных крест-накрест дверей и ставней жилищ, чьи хозяева ушли в мир иной. Умирали быстро: рези, судороги, и вот она, смерть. Ежедневные перезвоны колоколов никого не удивляли. Священники не успевали отпевать покойников. Закрытые гробы увозили на холерное поле и там зарывали. Город притих, съежился, затаился перед лицом страшной опасности. Горожане теперь редко собирались на завалинках, но, встречаясь, усердно искали виноватых в эпидемии.

Градус напряжения усиливался, как жар в бане, и, наконец, достиг наивысшей точки. Тут любой искры или нелепой причины достаточно, чтобы выплеснулись эмоции. И причина нашлась.

На рынке в этот день собралось много людей. Может, всё пересудами и закончилось бы, как вчера, но дурашливый плешивый Масыня, возьми и сиплым голосом закричи: «Всея эпидемия от врачей! Они заразу распространяют, до них не было её. Нас всех хотят умертвить, чтобы только богатые выжили, а врачебное отрепье им в этом деле помогает!»

Раньше его не послушали бы и на смех подняли – сейчас это вызвало ликование! Правда, некоторые разумные головы, пытались урезонить крикуна, но их речи потонули в яростном крике толпы, быстрой на расправу.

«Идём к врачу!» – раздался голос высокого мужика в грязном картузе и непомерно больших штанах бурого цвета.

В людской массе человек теряет личную независимость и рассудок, будучи вовлеченным в энергетическую волю толпы. Людская масса, получив разрядный импульс, всколыхнулась, объединившись целью, и двинулась сначала шагом, затем, ускорив его, перешла на бег. Это была не многоликая масса людей, а много видящая и много слышащая, с глазами и ушами стоя, жаждущая крови и смерти. Русский бунт страшен! Горящие глаза, высунутые языки, яростные выкрики и громкое, единое по вдохам и выдохам дыхание, точно бежали не люди, даже не стадо, а единое звероподобное существо. Бегущие впереди люди не выдерживали напора тех, кто следовал за ними, падали. Их безжалостно топтали. Каждый в этой толпе был не свободен, а подчинялся её безжалостному единому ритму, её законам: поворачивался вместе со всеми, вместе со всеми дышал, затапывал других. И вот это огромное, потное, жадно хватавшее широко разинутыми ртами морозный воздух людское скопище, остановилось у дома с мезонином.

Все разом замолчали, то ли набираясь храбрости, то ли ожидая призывного возгласа для начала бойни.

– Врач, выходи! Врач, выходи! – проревел кто-то, и многоосный хор автоматически стал повторять эту фразу.

Илья, спокойный и уверенный в себе, приблизился к толпе, хотел что-то сказать, но мужчина в картузе ударил его кулаком в грудь. Удар был такой силы, что врач, пошатнувшись, упал на колени. Как по команде, со всех сторон на него посыпались удары.

Собрав последние силы, Илья попытался встать, но под ударами палок снова упал в снег. Боль пронзила его тело и, беспощадно разрастаясь, палила огнём каждую клеточку. В сознании Ильи мелькнула последняя мысль: «Умирать страшно и больно... Теперь я понимаю умирающих...»

Через некоторое время тело врача представляло собой ужасное месиво из крови и плоти. Руки безжизненными плетью разметались по плечам, перебитые пальцы неестественно торчали, вместо глаз – впадины.

Разъяренная толпа на минуту остановилась. Однако новый крик «бей управу!» погнал почувствовавшую вкус крови стаю дальше. Илье показалось, что в воздухе повис терпкий запах миндаля, запах смерти.

© Сергей ПЕТРОВ. Некаýalar